

Трудная победа

КЛОУН... Это слово пришло к нам из английского средневековья. Так в старинном народном театре называли одного из персонажей — недотепу-провинциала, изумленно испуганно смотрящего на городские диковинки. Этот простак казался смешным на взгляд бывалого горожанина.

В цирке бережно хранят традиции и в то же время, как и в других видах искусства, разрушают их. Так на смену балаганному «рыжему» с обязательными оплеухами и комичными педаниями на манеж пришли персонажи, наделенные различными характерами. По своим собственным законам «правили» манежем такие коверные клоуны, как Михаил Румянцев и Константин Мусин, Олег Попов и Юрий Никулин.

Наш гость — заслуженный артист Армянской ССР Леонид Енгибаров идет, пожалуй, дальше своих учителей и сотоварищей по искусству клоунады. Он защищает право клоуна быть на манеже то плутоватым, то застенчивым, ребячливым или обманутым, то безудержно веселым, то грустным. Он полагает, что шумному народному цирковому искусству дано выражать и лирические переживания. Иногда кажется, что артист обследует границы страны под названием «смешное» и убеждается, что они находятся дальше, чем думали его предшественники.

Леонид Енгибаров принадлежит к молодому поколению советских артистов. На эстрада и манеже он около десяти лет. За это время он пробовал себя в различных жанрах, играл в литературном театре, занимался спортом — квалификация мастера спорта по боксу оказалась полезной и для манежа. На отделении клоунады циркового училища у будущего артиста были хорошие учителя: они помогли ему познать свою творческую индивидуальность.

Создание образа начинается с первого появления артиста. Он выйдет в черном мешковатом костюме, в белой рубашке с круглым воротником на выпуск, черные волосы начесаны на лоб, как у популярных за рубежом «битлзов». Дать клоунской традиции — огромные ботинки, дырявый красный зонтик. Уже в первой репризе Енгибаров — показывает то, что является главным выразительным средством его искусства — пантомиму, выразительный, подсмотренный в жизни и в то же время смешной жест. Вот артист затевает на манеже чехарду. С мальчишеским азартом он начинает считаться со своим партнером. В последнюю секунду выясняется, что «водить» все

же придется клоуну. Он растерян, замедляет движение руки, решает начать считалочку снова и по-детски радуется, когда его плутня удается. Все в мастерстве артиста, на первый взгляд, просто: жест, особая, видная даже на галерке, мимика. Но какая это трудная простота!

В другой репризе Енгибарова есть свой несложный сюжет. Любимая девушка пришла в парк на свидание с героем, но появляется нахальный соперник. В нелепом белом балахоне артист, превратившись в статую, застывает на постаменте. И в этой сцене отточенный жест, пластика дают Енгибарову возможность передать целую гамму переживаний: он немного ревнует, немного завидует, ему надоело стоять. Он одновременно несчастлив и по-мальчишески проказлив. В смешной цирковой репризе проступает нечто более серьезное — история любви и измены.

Артист вообще любит, так сказать, «романтические» ситуации. Вот, к примеру, еще одна его реприза. На манеж выходит крепыш-боксер. Артист опрометчиво соглашается драться с ним. Конечно, выясняется его полная неумелость, и от первого же удара перчаткой он смешно падает на ковер. Однако вот противник отшвырнул небрежно ногой букет, только что поднесенный артисту сочувствующей девушкой из публики. Артист изображает ярость, мастерству противника он противопоставляет страстное желание победить и отомстить. Теперь, не замечая ударов противника, он рвется к нему, сам наносит удары, бросает его на ковер. Так на манеже Енгибаров разыгрывает старую легенду о Давиде и Голиафе.

В других репризах артист сыграет не победу, а поражение. Его партнер выносит стопку белых тарелок и показывает нехитрый жонглерский трюк. Герою, которого играет Енгибаров, очень хочется достичь такой же ловкости и запросто упрямиться с этими соблазнительными тарелками. Сначала его постигает неудача, и манеж покрывается белыми осколками. Остается последняя тарелка, и артист передает психологический конфликт. Его герою и хочется попробовать, но его мучает совесть и к тому же он побаивается своего партнера. Трюк удается, но на радостях артист разобьет и эту последнюю тарелку, и понурый, очень несчастный, с измятой жестяной тарелкой под мышкой покинет манеж. В последний раз артист, не торопясь, в развалочку выйдет на погруженный в темноту манеж и на освещен-

ном прожекторами пятачке встанет в стойку на двух и одной руках, демонстрируя высокое мастерство силовой акробатики. Трюки окончены, и так же неторопливо артист уйдет с манежа, отрицательно качая головой в ответ на предложение ведущего программу поклониться публике. Комический эффект этой репризы в контрасте физического умения и меланхолического настроения. Так последняя реприза завершает общий, проходящий через все предыдущие сюжет: рассказ о том, как достигается это мастерство, о победах и поражениях.

Леонид Енгибаров не произносит на манеже ни одного слова, полагаясь целиком на красноречие жестов.

— Зритель приходит в цирк не слушать, а смотреть. Без слов выступал лучший, по моему мнению, советский коверный Константин Мусин. Да и Никулин прибегает к слову только в крайнем случае.

Мы беседуем с Леонидом Енгибаровым в его уборной, заваленной неожиданными предметами клоунского реквизита. Я спрашиваю его о дальнейших планах:

— Их много, — отвечает он. — Сейчас все время поглощает работа, ведь мы даем по три представления в день. Потом буду выступать в Саратовском цирке, во многих других. Сейчас готовлю новые репризы. А в выходные дни езжу сниматься в сказочном фильме «Ай-Болит». Недавно мне дали прочесть один очень хороший сценарий. Возможно, буду сниматься в нем на украинской студии имени Довженко. Я буду играть роль артиста, о трудной судьбе которого расскажет фильм...

— Цирк в о г о актера?

— Нет, драматического.

Таковы границы искусства коверного клоуна Леонида Енгибарова.

А. СЕМЕНОВ.

На снимке: одна из сцен циркового представления с участием Леонида ЕНГИБАРОВА.

Фото А. Сковцова.

«СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ»

г. Ярославль

6 АПР 1966